

человек

Игорь ГУБЕРМАН, поэт:

Я всегда был Дедом Морозом —
кроме тех пяти лет, что сидел

Москва, Театр эстрады. Жиденькая афиша, синим на белом: Игорь Губерман. Никаких подробностей: кому надо, те знают израильского писателя Губермана — человека, чьи стихи расходились по Союзу в самиздате.

Анастасия НАРЫШКИНА

Зал неполон, однако атмосфера в нем превосходная — собралась интеллигентные московские читатели, ценители прекрасного. Средний возраст — сорок пять. Такая публика ходит на искусствоведов и музыкантов. На сцене высокий худощавый человек в белой рубашке и черных брюках. Он немолод, но улыбка у него совершенно мальчишеская, зубы белы и остры. Да и яд не выдыхается. Он читает свои «стишки» — он сам их так называет — и травит байки. И «стишки», и байки многократно пересказаны и в книгах, и со сцены, но публика идет не за тем, чтобы услышать что-то новое. Она идет посмотреть живьем на самого веселого на свете антисоветчика, украсившего ее, публики, молодость бессмертным лозунгом «Вожди дороже нам вдвойне, когда они уже в стене», научившего элегантно материться, воспевшего лень, пьянки, друзей, женщин и разнообразие мирские удовольствия. В серьезной стране легкомысленно утверждавшего приоритет частного над общественным.

Собственно, до конца 80-х имени автора почти никто не знал — его произведения расходились по стране как фольклор. Потом, уже когда его выпустили из лагеря и дали разрешение на выезд, парочка самых смелых газет опубликовала подборки его стихов — конечно же, не политических, но все равно очень несоветских. И к автору пришла, как говорится, всенародная слава. Цитировать Губермана стало хорошим тоном, по цитатам опознавали братьев по разуму. Это был такой интеллигентский пароль. Дело не только в иронии. Язвительный матерщинник Губерман — мудрец и воплощение духа свободы. Он чрезвычайно морален — хоть детей на нем воспитывай, но самые важные вещи говорит со смехом и без той звериной серьезности, к которой так склонны большие писатели. Результат: в спорах нравственного порядка поклонники обращаются к его авторитету... заменяя некоторые слова многоточиями. Вот недавно поссорились два известных правозащитника, и, отвечая в печати на обвинения, оскорбленная сторона процитировала Губермана: «даже чтобы плюнуть во врага, я не набираю в рот...но».

В начале 90-х пришла пора зеленой книжки с глянцевой обложкой, на которой было написано «Гарика на каждый день». Гарика — это Губерманом изобретенный жанр: те самые короткие ехидные четверостишия, названные по домашнему имени автора. В те времена эта книга и правда считалась лучшим подарком. В магазинах ее не было, на развалах она шла за несколько номиналов.

После августовского путча Губерман напомнил о себе строчками: «Получишь в Москве по ж...ле./ Полный пессимизма./ Снова бродит по Европе/ Призрак коммунизма». Вообще-то он на злобу дня не пишет, но тут как-то не удержался. Впрочем, желающим получить эту самую злобу дня посоветую заглянуть в старые стихи о России. Они не увядают.

А в последние годы очень много стало стихов о старости, смерти — и уморительных, и не очень. «Летя года, остатки сладки,/ И грех печалиться./ Как жизнь твоя? Она в порядке./ Она кончается».

Это не мешает автору, которому сильно за 60, мотаться по странам и континентам с легкостью молоденького гастролера. Он это дело не любит, но оно его кормит. Раз в год израильский писатель Игорь Губерман объезжает с выступлениями и Россию. Собирает новые байки, тут же пересказывает их слушателям. Недавно привез такую. Одесса, скажем, Дерibasовская. Писателя останавливает пожилой господин.

— Я извиняюсь, — говорит он, — вы Губерман или просто так гуляете? Вот примерно с таким же вопросом обратились к писателю и мы.

«Не плакать же, в самом деле»

Интервью имеет место в доме у тещи писателя, в Лаврушинском переулке. Писатель ведет корреспондента на кухню и спрашивает:

— Вы по утрам пьете?

Корреспондент мнется, потом четко говорит: пью. Писатель наливая две стопки коньяку, ставит на плиту чайник.

— Приличная девушка, наверное, должна бы сказать «не пью», — робеет корреспондент.

— Приличные девушки ни от чего не отказываются, — сообщает писатель и поднимает стопку. — Будьте здоровы, с добрым утром.

— Игорь Миронович, как прошли ваши выступления в России? Вы ведь уже месяц ездите?

— Больше месяца... кошмар, как домой хочется. Сперва был концерт здесь в Театре эстрады, потом я поехал в Новосибирск, был в Академгородке, потом сменил маршрут и поехал в Ростов, потом поехал по Уралу — Уфа, Казань, Ижевск, Пермь...

— Ужас. Гастролируете со страшной силой, как Кир-Коров.

— Нет, это очень немного — 12 выступлений за месяц, в Америке я бы за эти 35 дней объездил 25 городов, потому что там самолеты летают, как трамваи, а здесь из-за российского транспорта и предвыборной занятости залов получилось очень мало. А вообще гастролы — это такая мясорубка, в которой ты отключаешь все человеческие чувства, а только «бу-бу-бу» — завываешь стишки...

— А чувства почему отключаются?

— А потому что, знаете, я очень любопытный человек, и в каждом городе ужасно хочется куда-нибудь сходить, а времени нет. Но сейчас моя мечта исполнилась — в Самаре я сходил в бункер Сталина. Я каждый раз туда хожу, это потрясающее место. Я там испытываю почти такие же чувства, как в зале Нюрнбергского трибунала. Такое убожество империи... но это я разболтался.

— Вы ведь часто бываете в России, что-то здесь меняет-ся... реакция зала, люди?

— Я был здесь осенью и вот сейчас, а так я приезжаю раз в год. Меняется все чудовищно. Реакция зала, по счастью, нет, разве только, что очень отраднo, ко мне стала ходить молодежь. Последние три года очень много молодежи, но я не уверен, что она идет слушать стишки, а не неформальную лексику. Но очень живо реагирует, слышит стих, и это большая радость, потому что я, честно говоря, не уповал на молодежь. Основной мой слушатель — люди сорока и старше, научно-техническая и гуманитарная интеллигенция, которая читала мои стишки еще в самиздате.

— Мои тридцатилетние друзья вас отлично знают и цитируют. «Как сказал Губерман»...

— Дедушка Крылов... Это же счастье, когда цитируют.

— А что меняется у нас, на ваш взгляд?

— Потрясающе изменились люди. Я ведь езжу 15 лет — знаете, появилось безумное количество свободных людей. Это видно по посадке головы, по тому, что не боятся улыбаться. Раньше ж мы все были лагерники, хмурые люди. Ты в человека смотришь, а он тебе не улыбается. А тут стали улыбаться, это первый признак неволи, раскрепощенности и свободы. Причем их же никто не учил, как американцев. В России все были хмурые, потому что в лагере нельзя улыбаться, улыбка — это признак слабости, это заискивание, а не приветливость и доброжелательность. Просто разные знаковые системы. Прямее стали спины... Ну, я уже не говорю об одежде. Это внешняя часть. С немислимой силой растут города. А народишко голодает и мрет, как всегда в России. Так что сколько я могу сказать хорошего, столько же я могу сказать плохого.

— Получается, что вы живете на две страны...

— Нет, я живу в Израиле, я девять месяцев в году провожу у себя в Иерусалиме, но и в Россию приезжаю как домой. Я не по-прежнему очень люблю, и очень от этого больно. За Россию больно все время, часто — стыдно, а сейчас очень страшно. Вы знаете, эти последние два дня я пил — я раньше пил — с несколькими новыми русскими очень высоко по полету. Они без бандитского и без обкомовского прошлого, выбились своим умом. Они в ужасе. Знаете, какие разговоры: надо было уезжать тогда, надо уезжать сейчас, за скобками проскальзывает — деньги надо вывозить, страшно теперь вкладывать в Россию. России кроме психологического нанесен ущерб экономический, и немислимый. Линнее доказательство того, что все эти люди, которые кричат, что они любят Россию, — нас...ть им на Россию. Они любят свой престиж и свои материальные успехи.

— А в Израиле обсуждают российские дела?

— В Израиле на это две точки зрения — у еврейского мудреца всегда две точки зрения, а если собрался два еврея, то уже три. Один говорил, что Ходорковский захотел в политику, громко об этом разболтался и был прихлопнут немедленно. То, что его забрали не дома, а в Новосибирске, говорит, что это хозяин велел, иначе бы не мотались. Даже было такое мнение, что это на евреев охота... х...ня это. Кладите себе кофе, пожалуйста... Вы чего без сахара? Я еду домой со злорадством — все соберутся на пьянку в честь моего приезда, я скажу: вы все были м...ки, а прав был я, я говорил, что Ленин жив в сердцах. Главным ленинским лозунг, благодаря которому он смог так покочалить Россию, — грабь награбленное. Этот лозунг, как бы сказать похвалившись, — он горит в сердцах разных бывших комсомольских и партийных деятелей, которые опоздали к переделу 90-х годов. Сейчас они набрали силу, а денег нет, денежки разделили в 90-е.

— Понятно. Про вашу жизнь в советское время много чего известно — вы сами писали об этом, а как теперь?

— Я езжу по всему миру, выступаю в Израиле, бывал в Германии, в Голландии, в Австралию ездил...

— Там такая большая русская община?

— Чудовищная! В Швейцарии, в Финляндии, в Испании — просто немислимое количество. Россияне тихо и медленно располагаются по миру. Смотрите, в одной Германии больше двух миллионов наших немцев. И очень много россиян, которые работают по договорам, ученые — талантот русский народ не обделен, молодые выросли и разезжаются... сейчас будет разезжаться еще сильнее.

— Так о вашем образе жизни.

— Я живу в Иерусалиме очень тихой, частной, обывательской жизнью, очень замкнутой, неделями могу не выходить из дому — мне очень хорошо, у меня там компьютер, письменный стол, дикое количество книжек. Сажу, читаю, пью кофе. Я кормлюсь книжками и артистической работой. Я на радио 10 лет работал, это было очень интересно и занимало мало времени, год работал на телевидении. У нас сейчас новое русское телевидение, большой канал.

— Это, наверное, Гусинский?

бирске, говорит, что это хозяин велел, иначе бы не мотались. Даже было такое мнение, что это на евреев охота... х...ня это. Кладите себе кофе, пожалуйста... Вы чего без сахара?

— Я еду домой со злорадством — все соберутся на пьянку в честь моего приезда, я скажу: вы все были м...ки, а прав был я, я говорил, что Ленин жив в сердцах.

Главным ленинским лозунг, благодаря которому он смог так покочалить Россию, — грабь награбленное.

Этот лозунг, как бы сказать похвалившись, — он горит в сердцах разных бывших комсомольских и партийных деятелей, которые опоздали к переделу 90-х годов. Сейчас они набрали силу, а денег нет, денежки разделили в 90-е.

— Понятно. Про вашу жизнь в советское время много чего известно — вы сами писали об этом, а как теперь?

— Я езжу по всему миру, выступаю в Израиле, бывал в Германии, в Голландии, в Австралию ездил...

— Там такая большая русская община?

— Чудовищная! В Швейцарии, в Финляндии, в Испании — просто немислимое количество. Россияне тихо и медленно располагаются по миру. Смотрите, в одной Германии больше двух миллионов наших немцев. И очень много россиян, которые работают по договорам, ученые — талантот русский народ не обделен, молодые выросли и разезжаются... сейчас будет разезжаться еще сильнее.

— Так о вашем образе жизни.

— Я живу в Иерусалиме очень тихой, частной, обывательской жизнью, очень замкнутой, неделями могу не выходить из дому — мне очень хорошо, у меня там компьютер, письменный стол, дикое количество книжек. Сажу, читаю, пью кофе. Я кормлюсь книжками и артистической работой. Я на радио 10 лет работал, это было очень интересно и занимало мало времени, год работал на телевидении. У нас сейчас новое русское телевидение, большой канал.

— Это, наверное, Гусинский?

— Нет, у нас там есть свой миллионер, Леваяев, и я думаю, что его кто-то попросил — я даже догадываюсь кто — потратит деньги на наш русский канал, чтобы не успел это сделать Ходорковский захотел в политику, громко об этом разболтался и был прихлопнут немедленно. То, что его забрали не дома, а в Новосибирске, говорит, что это хозяин велел, иначе бы не мотались. Даже было такое мнение, что это на евреев охота... х...ня это. Кладите себе кофе, пожалуйста... Вы чего без сахара?

— Я еду домой со злорадством — все соберутся на пьянку в честь моего приезда, я скажу: вы все были м...ки, а прав был я, я говорил, что Ленин жив в сердцах.

Главным ленинским лозунг, благодаря которому он смог так покочалить Россию, — грабь награбленное.

Этот лозунг, как бы сказать похвалившись, — он горит в сердцах разных бывших комсомольских и партийных деятелей, которые опоздали к переделу 90-х годов.

Сейчас они набрали силу, а денег нет, денежки разделили в 90-е.

— Понятно. Про вашу жизнь в советское время много чего известно — вы сами писали об этом, а как теперь?

— Я езжу по всему миру, выступаю в Израиле, бывал в Германии, в Голландии, в Австралию ездил...

— Там такая большая русская община?

— Чудовищная! В Швейцарии, в Финляндии, в Испании — просто немислимое количество. Россияне тихо и медленно располагаются по миру. Смотрите, в одной Германии больше двух миллионов наших немцев. И очень много россиян, которые работают по договорам, ученые — талантот русский народ не обделен, молодые выросли и разезжаются... сейчас будет разезжаться еще сильнее.

ки, просто версификаторство... оно идет от мысли, или от созвучия... найдешь, украдешь...

— Ой, ну не надо!

— У меня много краденых мыслей! Я могу привести пример. Здесь, в Москве, живет невероятного таланта сочинитель афоризмов. Я думаю, что это уровень Ежи Леща, что в Москве. И я всегда был Дедом Морозом, кроме тех пяти лет, что сидел, — в это время у тещи демонстративно не было Деда Мороза, только Снегурочка. А сейчас я Дед Мороз, а Снегурочкой у меня второй год будет Юлик Ким. Он дивная Снегурочка — надевает рыжий парик, гудит у него из диванных подушек, очков он не снимает. Я всем сказал, что вот, извините, детки — деткам от 40 до 80, — вот у меня новая внучка, она дикая б... незавязавшая, будьте осторожны. Юлик замечательно играет эту старую незавязавшую б... А у меня борода белая, туркменский халат...

— То есть Дед Мороз не вполне... северный?

— Такой южнотатый Дед Мороз, с привкусом гулящего пожилого фараона. Так что у нас хорошие Новые года. Все веселится, как дети.

— А что вы пьете? Этой теме так много посвящено!

— Что касается любимых напитков, то я последние лет семь-восемь предпочитаю виски. Раньше пил коньяк. Вообще же пью все что угодно — если нет виски, я с наслаждением пью водку. А джин я разлюбил. Сухие вина я тоже давно разлюбил, хотя они у нас изумительные.

— В Израиле идет война — и как люди живут в этих условиях?

— Человек не скотина, ко всему привыкает... У нас полны кафе и рестораны, люди гуляют по улицам, у нас течет отличная жизнь, которая нарушается терактами. Тут же все перебиваются, узнают, как там знакомые и близкие. Ощущения осядного положения у нас нет, и по домам никто не прячется. Люди очень хорошо понимают, для чего это все, в отличие от всего мира, который не понимает ни х...ра.

— Можно спросить, как вы пишете? Мне казалось, что сначала придумываются две последние строчки... потом две первые?

— Чаше всего да. Придумываются на самом деле мысли, у меня же не настоящая поэзия, а такие стиш-

ки, просто версификаторство... оно идет от мысли, или от созвучия... найдешь, украдешь...

— Ой, ну не надо!

— У меня много краденых мыслей! Я могу привести пример. Здесь, в Москве, живет невероятного таланта сочинитель афоризмов. Я думаю, что это уровень Ежи Леща, что в Москве. И я всегда был Дедом Морозом, кроме тех пяти лет, что сидел, — в это время у тещи демонстративно не было Деда Мороза, только Снегурочка. А сейчас я Дед Мороз, а Снегурочкой у меня второй год будет Юлик Ким. Он дивная Снегурочка — надевает рыжий парик, гудит у него из диванных подушек, очков он не снимает. Я всем сказал, что вот, извините, детки — деткам от 40 до 80, — вот у меня новая внучка, она дикая б... незавязавшая, будьте осторожны. Юлик замечательно играет эту старую незавязавшую б... А у меня борода белая, туркменский халат...

— То есть Дед Мороз не вполне... северный?

— Такой южнотатый Дед Мороз, с привкусом гулящего пожилого фараона. Так что у нас хорошие Новые года. Все веселится, как дети.

— А что вы пьете? Этой теме так много посвящено!

— Что касается любимых напитков, то я последние лет семь-восемь предпочитаю виски. Раньше пил коньяк. Вообще же пью все что угодно — если нет виски, я с наслаждением пью водку. А джин я разлюбил. Сухие вина я тоже давно разлюбил, хотя они у нас изумительные.

— В Израиле идет война — и как люди живут в этих условиях?

— Человек не скотина, ко всему привыкает... У нас полны кафе и рестораны, люди гуляют по улицам, у нас течет отличная жизнь, которая нарушается терактами. Тут же все перебиваются, узнают, как там знакомые и близкие. Ощущения осядного положения у нас нет, и по домам никто не прячется. Люди очень хорошо понимают, для чего это все, в отличие от всего мира, который не понимает ни х...ра.

— Можно спросить, как вы пишете? Мне казалось, что сначала придумываются две последние строчки... потом две первые?

— Чаше всего да. Придумываются на самом деле мысли, у меня же не настоящая поэзия, а такие стиш-

ки, просто версификаторство... оно идет от мысли, или от созвучия... найдешь, украдешь... Ой, ну не надо! У меня много краденых мыслей! Я могу привести пример. Здесь, в Москве, живет невероятного таланта сочинитель афоризмов. Я думаю, что это уровень Ежи Леща, что в Москве. И я всегда был Дедом Морозом, кроме тех пяти лет, что сидел, — в это время у тещи демонстративно не было Деда Мороза, только Снегурочка. А сейчас я Дед Мороз, а Снегурочкой у меня второй год будет Юлик Ким. Он дивная Снегурочка — надевает рыжий парик, гудит у него из диванных подушек, очков он не снимает. Я всем сказал, что вот, извините, детки — деткам от 40 до 80, — вот у меня новая внучка, она дикая б... незавязавшая, будьте осторожны. Юлик замечательно играет эту старую незавязавшую б... А у меня борода белая, туркменский халат...

— То есть Дед Мороз не вполне... северный?

— Такой южнотатый Дед Мороз, с привкусом гулящего пожилого фараона. Так что у нас хорошие Новые года. Все веселится, как дети.

— А что вы пьете? Этой теме так много посвящено!

— Что касается любимых напитков, то я последние лет семь-восемь предпочитаю виски. Раньше пил коньяк. Вообще же пью все что угодно — если нет виски, я с наслаждением пью водку. А джин я разлюбил. Сухие вина я тоже давно разлюбил, хотя они у нас изумительные.

— В Израиле идет война — и как люди живут в этих условиях?

— Человек не скотина, ко всему привыкает... У нас полны кафе и рестораны, люди гуляют по улицам, у нас течет отличная жизнь, которая нарушается терактами. Тут же все перебиваются, узнают, как там знакомые и близкие. Ощущения осядного положения у нас нет, и по домам никто не прячется. Люди очень хорошо понимают, для чего это все, в отличие от всего мира, который не понимает ни х...ра.

— Можно спросить, как вы пишете? Мне казалось, что сначала придумываются две последние строчки... потом две первые?

— Чаше всего да. Придумываются на самом деле мысли, у меня же не настоящая поэзия, а такие стиш-

ки, просто версификаторство... оно идет от мысли, или от созвучия... найдешь, украдешь...

— Ой, ну не надо!

— У меня много краденых мыслей! Я могу привести пример. Здесь, в Москве, живет невероятного таланта сочинитель афоризмов. Я думаю, что это уровень Ежи Леща, что в Москве. И я всегда был Дедом Морозом, кроме тех пяти лет, что сидел, — в это время у тещи демонстративно не было Деда Мороза, только Снегурочка. А сейчас я Дед Мороз, а Снегурочкой у меня второй год будет Юлик Ким. Он дивная Снегурочка — надевает рыжий парик, гудит у него из диванных подушек, очков он не снимает. Я всем сказал, что вот, извините, детки — деткам от 40 до 80, — вот у меня новая внучка, она дикая б... незавязавшая, будьте осторожны. Юлик замечательно играет эту старую незавязавшую б... А у меня борода белая, туркменский халат...

— То есть Дед Мороз не вполне... северный?

— Такой южнотатый Дед Мороз, с привкусом гулящего пожилого фараона. Так что у нас хорошие Новые года. Все веселится, как дети.

— А что вы пьете? Этой теме так много посвящено!

— Что касается любимых напитков, то я последние лет семь-восемь предпочитаю виски. Раньше пил коньяк. Вообще же пью все что угодно — если нет виски, я с наслаждением пью водку. А джин я разлюбил. Сухие вина я тоже давно разлюбил, хотя они у нас изумительные.

— В Израиле идет война — и как люди живут в этих условиях?

— Человек не скотина, ко всему привыкает... У нас полны кафе и рестораны, люди гуляют по улицам, у нас течет отличная жизнь, которая нарушается терактами. Тут же все перебиваются, узнают, как там знакомые и близкие. Ощущения осядного положения у нас нет, и по домам никто не прячется. Люди очень хорошо понимают, для чего это все, в отличие от всего мира, который не понимает ни х...ра.

— Можно спросить, как вы пишете? Мне казалось, что сначала придумываются две последние строчки... потом две первые?

— Чаше всего да. Придумываются на самом деле мысли, у меня же не настоящая поэзия, а такие стиш-

ки, просто версификаторство... оно идет от мысли, или от созвучия... найдешь, украдешь... Ой, ну не надо! У меня много краденых мыслей! Я могу привести пример. Здесь, в Москве, живет невероятного таланта сочинитель афоризмов. Я думаю, что это уровень Ежи Леща, что в Москве. И я всегда был Дедом Морозом, кроме тех пяти лет, что сидел, — в это время у тещи демонстративно не было Деда Мороза, только Снегурочка. А сейчас я Дед Мороз, а Снегурочкой у меня второй год будет Юлик Ким. Он дивная Снегурочка — надевает рыжий парик, гудит у него из диванных подушек, очков он не снимает. Я всем сказал, что вот, извините, детки — деткам от 40 до 80, — вот у меня новая внучка, она дикая б... незавязавшая, будьте осторожны. Юлик замечательно играет эту старую незавязавшую б... А у меня борода белая, туркменский халат...

— То есть Дед Мороз не вполне... северный?

— Такой южнотатый Дед Мороз, с привкусом гулящего пожилого фараона. Так что у нас хорошие Новые года. Все веселится, как дети.

— А что вы пьете? Этой теме так много посвящено!

— Что касается любимых напитков, то я последние лет семь-восемь предпочитаю виски. Раньше пил коньяк. Вообще же пью все что угодно — если нет виски, я с наслаждением пью водку. А джин я разлюбил. Сухие вина я тоже давно разлюбил, хотя они у нас изумительные.

— В Израиле идет война — и как люди живут в этих условиях?

— Человек не скотина, ко всему привыкает... У нас полны кафе и рестораны, люди гуляют по улицам, у нас течет отличная жизнь, которая нарушается терактами. Тут же все перебиваются, узнают, как там знакомые и близкие. Ощущения осядного положения у нас нет, и по домам никто не прячется. Люди очень хорошо понимают, для чего это все, в отличие от всего мира, который не понимает ни х...ра.

— Можно спросить, как вы пишете? Мне казалось, что сначала придумываются две последние строчки... потом две первые?

— Чаше всего да. Придумываются на самом деле мысли, у меня же не настоящая поэзия, а такие стиш-

ки, просто версификаторство... оно идет от мысли, или от созвучия... найдешь, украдешь...

— Ой, ну не надо!

— У меня много краденых мыслей! Я могу привести пример. Здесь, в Москве, живет невероятного таланта сочинитель афоризмов. Я думаю, что это уровень Ежи Леща, что в Москве. И я всегда был Дедом Морозом, кроме тех пяти лет, что сидел, — в это время у тещи демонстративно не было Деда Мороза, только Снегурочка. А сейчас я Дед Мороз, а Снегурочкой у меня второй год будет Юлик Ким. Он дивная Снегурочка — надевает рыжий парик, гудит у него из диванных подушек, очков он не снимает. Я всем сказал, что вот, извините, детки — деткам от 40 до 80, — вот у меня новая внучка, она дикая б... незавязавшая, будьте осторожны. Юлик замечательно играет эту старую незавязавшую б... А у меня борода белая, туркменский халат...

— То есть Дед Мороз не вполне... северный?

— Такой южнотатый Дед Мороз, с привкусом гулящего пожилого фараона. Так что у нас хорошие Новые года. Все веселится, как дети.

— А что вы пьете? Этой теме так много посвящено!

— Что касается любимых напитков, то я последние лет семь-восемь предпочитаю виски. Раньше пил коньяк. Вообще же пью все что угодно — если нет виски, я с наслаждением пью водку. А джин я разлюбил. Сухие вина я тоже давно разлюбил, хотя они у нас изумительные.

— В Израиле идет война — и как люди живут в этих условиях?

— Человек не скотина, ко всему привыкает... У нас полны кафе и рестораны, люди гуляют по улицам, у нас течет отличная жизнь, которая нарушается терактами. Тут же все перебиваются, узнают, как там знакомые и близкие. Ощущения осядного положения у нас нет, и по домам никто не прячется. Люди очень хорошо понимают, для чего это все, в отличие от всего мира, который не понимает ни х...ра.

— Можно спросить, как вы пишете? Мне казалось, что сначала придумываются две последние строчки... потом две первые?

— Чаше всего да. Придумываются на самом деле мысли, у меня же не настоящая поэзия, а такие стиш-

ки, просто версификаторство... оно идет от мысли, или от созвучия... найдешь, украдешь...

— Ой, ну не надо!

— У меня много краденых мыслей! Я могу привести пример. Здесь, в Москве, живет невероятного таланта сочинитель афоризмов. Я думаю, что это уровень Ежи Леща, что в Москве. И я всегда был Дедом Морозом, кроме тех пяти лет, что сидел, — в это время у тещи демонстративно не было Деда Мороза, только Снегурочка. А сейчас я Дед Мороз, а Снегурочкой у меня второй год будет Юлик Ким. Он дивная Снегурочка — надевает рыжий парик, гудит у него из диванных подушек, очков он не снимает. Я всем сказал, что вот, извините, детки — деткам от 40 до 80, — вот у меня новая внучка, она дикая б... незавязавшая, будьте осторожны. Юлик замечательно играет эту старую незавязавшую б... А у меня борода белая, туркменский халат...

— То есть Дед Мороз не вполне... северный?

— Такой южнотатый Дед Мороз, с привкусом гулящего пожилого фараона. Так что у нас хорошие Новые года. Все веселится, как дети.

Избранное из немеркнувшего:

Я государство вижу статуей,
Мужчина в бронзе, полный властности,
Под фиговым листочком спрятан
Огромный орган безопасности.

Плодит начальников держава,
Не оставляя чистым тело;
Где раньше лошадь вольно ржала,
Теперь начальник водку ест.

Как давит стариковская перина
И душит стариковская фуфайка
В часы, когда танцует балерина
И ножку бьет о ножку, негодяйка.

Назад оглянешься — досада
Берет за прошлые года,
Что не со всех деревьев сада
По